

Как много людей работают без души, отработывая свою трудовую вахту от безвыходности положения, ища и не находя себя в этой жизни! Как много народа мечтает о профессии, которую никогда не смогут приобрести в силу определенных обстоятельств...

1. Охранник-контролер

Его звали Николай Бабин. Сей субъект был фанатом кинематографа. Все, что показывали Бабину по ящику, он проглатывал с утра до глубокой ночи. Работал Петрович охранником-контролером в мясном магазине со звучным названием «Вырезка». Работу свою не любил, начальника презирал.

— Да за что ее, треклятую, любить-то можно? — шептал Николай мяснику Аникею. — Денег платят восемнадцать тысяч рублей в месяц. А походи за эти деньги двенадцать часов, два через два, а?

Аникей Михайлович дружески мотал головой.

Немолод был наш герой — шел киноману пятьдесят четвертый год. Большая часть жизни данного индивида была, попросту сказать, профукана. Мыкался Коленька по жизни туда-сюда, менял профессии как перчатки. Вот его послужной список: медбрат, официант, продавец, грузчик, мерчендайзер, торговый представитель. Докатился до охранника. И хотя жизнь Николая Бабина была, мягко сказать, не совсем налажена, он продолжал мечтать о съемках в кино. Как говорится, если сильно хотеть, Бог тебя услышит. Ну, не в кино попал, но героем телепередачи Петрович стал и даже пожалел об этом — конфуз на съемочной площадке случился.

А было это так. Шел две тысячи второй год, пора зарождения разных скандальных телешоу и телесериалов. После программы «Моя жизнь» Павла Мисарова выходит в свет его же проект «Форточка» с ведущим Дмитрием Гереевым. Вот в эти «Форточка» Петрович и залетел. Сын его Аким учился тогда в московском институте на телеоператора. Так вот, агент телепередачи в вузе, где учился младший Бабин, разместила на доске объявлений листок следующего содержания: все желающие, которые хотят сняться на телевидении в следующем проекте (название), звоните мне по данному номеру. Внизу имя и фамилия: агент Рита Юшкевич. И самое главное: мероприятие это не бесплатное. Чем больше роль, тем и оплата выше.

Молодым всегда деньги нужны, сами понимаете. Снялся тогда Аким в этой мыльной опере. Всей семьей смотрели выпуск. Николай Петрович во время просмотра все ерзал и смотрел на сына в ящике с расширенными от удивления глазами.

— Ну ты даешь, Акимка! — кричал он, не давая смотреть домочадцам передачу. — Я знал: есть у нашего рода природный дар к актерству!

— Да замолчи ты, пень старый! — возмущалась Клавдия Сергеевна, жена киномана.— Не ори, дай сына посмотреть, старый деспот.

— А я говорил: «Иди на актера учиться, парень»,— не унимался возбужденный охранник.— Не послушал отца, гордец. Мол, это не его.

— Ты посмотри, что вытворяет, мать, как он этому дядьке говорит: «Я уже взрослый, хочу — женюсь». Аким, а как зовут этого актера?

— Какого актера?

— Ну, отца твоего сценического.

— Он, папа, простой инженер, любитель сниматься.

— Да,— присвистнул Петрович и прилип к телевизору, поедая инженера глазами.

Всю ночь после этой программы кинофанат не спал. А не сомкнул он глаз вот почему: роль отца сынули сыграл какой-то инженер его лет. А почему он, охранник-контролер, не может тоже сыграть роль отца какого-нибудь парня? Чем он хуже? И задумал Николай сняться в этом ток-шоу. Правда, это не кино, но какая драматургия! Его сын спорил с инженером, говорил, что он уже самостоятельный и хочет жениться. Весь месяц потом Николай Петрович выпытывал у Акима тот заветный телефон агента Риты, оставленный в институте.

— Да какой из тебя артист? — обидно заключал молодой выскочка.— Ты же простой охранник, а там играть надо, импровизировать. Разве ты сможешь?

Петрович унижался перед сыном, клялся, что в молодости он участвовал в самодеятельности и небезуспешно, и вообще может сыграть любую роль.

— Это у меня от рождения,— говорил он.— По ошибке стал охранником.

Битва с молодым человеком была не из легких. «Проще,— думал киноман,— трех воров задержать, чем у сына телефон выклянчить». И вот, наконец, мальчик дрогнул, когда увидел Петровича с красными и влажными глазами. Протягивая клочок бумажки отцу, все же заметил:

— Не опозорь меня, папа.

Дозвониться и записаться на кастинг оказалось делом быстрым. Агент Маргарита спросила лишь:

— Кто дал вам мой номер?

Петрович объяснил, что сын у них снимался. Это развеяло все ее дурные мысли, откуда у взрослого мужика ее номер телефона.

2. Кастинг

Пора стояла зимняя, середина декабря. Николай Петрович приехал в Москву рано. Договаривались на восемнадцать, но уже в час дня Петрович ходил по Москве, интересуясь столичной жизнью. Кастинг на Профсоюзной улице показался киноману чем-то необыкновенным. В двенадцатизэтажном доме на первом этаже было много контор. Люди ходили туда-сюда. Бабин спросил у женщины в окошке, как попасть на кастинг. Та ответила, что он начнется с шести часов, выйдет девушка и заберет всех, кто пришел.

— А пока что только десять минут шестого,— взглянула она на часы,— так что подождите, молодой человек.

Петровичу было приятно такое обхождение: молодым человеком его давно уже никто не называл. Постепенно собрался народ. По людям было видно, что они пришли на кастинг: все какие-то нарядные, с огоньком в глазах; женщины накрашенные, как будто на свадьбу прибыли, мужчины чисто выбритые. Какой-то дед рассказывал двум молоденьким девчонкам, что здесь он уже был, но материал не пошел, и его пригласили снова. Петрович смотрел на всех восхищенными глазами.

Время пролетело незаметно. В семь минут седьмого выходит откуда-то, толкая вертушку, маленькая женщина в очках, с толстой тетрадкой под мышкой и объявляет

всем, что она пришла забрать людей на кастинг. Все стали записываться в ее толстую тетрадку. Записался и Петрович.

На третьем этаже в аудитории триста семьдесят пять стояли пять столов и с десятков стульев. За одним большим столом в конце аудитории сидели шесть молодых людей — две девушки и четыре парня. А напротив открывающейся двери в рядок стояли четыре маленьких столика, на одном из которых, а точнее, на крайнем к выходу, лежала стопка анкет. Запускали по четыре человека, остальные ждали своей очереди в коридоре. Киноман попал в третью группу.

— Проходите, — щебетала одна из студенток. — Заполняйте анкеты. Кто заполнил, проходите сначала ко мне для фото, потом — за сценарием, — указывала она на стол, где заседали ее сверстники.

Все дружно стали заполнять анкеты. После фотографирования подходили к строгим студентам. Те спрашивали их о разных вещах. Например, у молодой худощавой девушки смуглый высокий юноша спросил:

— А ты можешь заплакать?

И та, напрягаясь в имитации рыдания, стала громко кричать, совершенно не стесняясь окружающих. Было страшно и одновременно смешно. К удивлению Петровича, она получила желанный сценарий, по которому должна была сыграть женщину легкого поведения.

Потом к столу подошел толстый парень лет двадцати ростом под два метра. Ему на ухо что-то шепнула белокурая стройная студентка, и он стал громко ругаться матом и бить себя в грудь, орать, что никто его не понимает. Побагровев от натуги, юноша стал непроизвольно брызгать слюной, да так далеко, что замочил стоявших за ним кандидатов. Экзаменаторы были довольны, захлопав от впечатления в ладоши.

— Молодец, Вадик! — крикнула студентка, экзаменовавшая парня.

Глаза Петровича то расширялись, то сужались. Он ловил каждую реплику претендентов на роль, подмечая излишнюю эмоциональность одних и выделяя оригинальность других. Наконец-то очередь дошла и до него. После фотографирования он скромно подошел к столу со сценариями. Судьба подвела охранника к импульсивной белокурой студентке, которая восхищалась Вадиком. Окинув взглядом пятидесятитрехлетнего мужика, она подумала: «Что он здесь делает?» Вслух же с улыбкой спросила:

— Вы актер?

На это смутившийся и испуганный Петрович быстро произнес:

— Начинаящий.

— Ну, раз так, — притворно удивилась студентка, — вот вам сценарий, учите. Прочитайте и своими словами расскажите. Вас как зовут?

— Николай Петрович, — промямлил испуганный пожилой мужик.

— Ну так вот, Николай Петрович, часа вам хватит?

Начинаящий актер закивал головой. Было видно, что мужчина сильно волнуется. Взяв сценарий, Николай Петрович забился в уголок, пытаясь вникнуть в суть повествования. Буквы прыгали то вверх, то вниз. Претенденты на роль кричали до иступления. Сосредоточиться не удавалось. Прилагая невероятные усилия, начинающий актер все-таки прочел животрепещущую драму.

Назывался сценарий «Письмо Татьяны». В нем рассказывалось о женщине, от которой ушел муж. Мужа звали Виктор. Этого недостойного супруга и должен был сыграть киноман. Ушел он под Новый год к соседке, живущей этажом выше. Разум у Татьяны помутился, и она стала писать письма Деду Морозу: мол, с детства верила в дедушку, который ей оставлял подарки под елочкой. Сказался, по-видимому, стресс от предательства мужа: одиноко стало, вот женщина и тронулась. Кидала письма она почему-то в свой почтовый ящик. Как-то раз, проходя мимо этих почтовых ящиков, счастливый Виктор увидел валявшееся письмо. Какая-то неведомая сила заставила

его поднять этот клочок бумаги. Бегло окинув конверт взглядом, изменник понял, что это письмо от его бывшей жены — ее почерк нельзя было спутать ни с каким другим: был он ровный, размашистый, буквы круглые, красивые завитушки у букв «у» и «р». Сначала Виктор смеялся от души: в письме Татьяна жаловалась Деду Морозу на него. Писала, что муж много ел: «Все деньги, что мы зарабатывали, уходили на продукты. Я, дедушка, кашки поем, ну, супа в обед, вечером — яблочко и все. А мужу, как встанет, с утра мясо подавай, винегрет делай, компот вари. С собой на работу кастрюлями носил щи, картошку с курицей, гречку с гуляшом. После работы — поджарку свиную, блины с вишней, пива литра три выпивал. В выходные от плиты не отходила. В результате следить за собой перестала. Да когда же тут всем заниматься? Да и на что? Все деньги на эту ненасытную хлеборезку уходили. Все съела. И вот, дедушка Мороз, за все мое хорошее, за то, что кормила, обстирывала, обшопывала, ухаживала за ним, как за маленьким, он меня бросил. Ушел к соседке из нашего же дома. Перед людьми стыдно. Мусор выносить пошел, так и не вернулся. Плохо мне, дедушка. Ночами не сплю. Привыкла я к нему, изменнику проклятому. В выходные с утра до вечера лежу на кровати, в потолок смотрю. Даже телевизор не включаю, о нем думаю. Как он там, у чужой женщины, накормлен? На работе подруги жалеют, видят, что переживаю. Я кассиром в магазине работаю. Три раза уже недостачу оплачивала. Начальство ругает, грозитя уволить. Дедушка, ты мне в детстве подарки под елкой оставлял. Верю я в тебя, хоть и взрослая уже. Вот уже год прошел, как Виктор ушел от меня. Прошу тебя: сделай чудо. Хочу в Новый год повстречать такого мужчину, чтобы он мало ел, много зарабатывал, был небольшого роста, а не как этот верзила, любил меня и не бросал. А я для него свитер свяжу и носки. Ухаживать буду, прямо на руках носить. Одной очень плохо, дедушка. На этом все, твоя Татьяна».

Когда Виктор дочитал до конца, ему очень жаль стало свою бывшую супругу, ведь столько лет вместе прожили. Пусть и с чудинкой и детей ему не родила, но ведь она страдает в одиночестве, а он счастливо живет с новой супругой младше его на десять лет. «Нет, это несправедливо», — подумал Виктор про себя. У него на работе трудился холостой непьющий карлик. Судя по описанию бывшей супруги, именно такого она и просила у Деда Мороза. И вот решил счастливцев свести свою бывшую жену с ним. «Пусть все будут счастливы», — мечтательно сказал он и облегченно вздохнул.

Татьяна рассказывает свою историю всей стране и Герееву. И тут неожиданно после слов Гереева: «Встречайте!» — на сцену студии должен выйти Дедушка Мороз с мешком — это по сценарию Виктор, бывший муж брошенной Татьяны. Из мешка выпрыгивает карлик, Дед Мороз снимает бороду, Татьяна узнает в деде Витю и... Короче, все счастливы. Карлик сидит на коленях у Татьяны, Виктор широко, по-детски, улыбается. Конец сюжета.

Петровича даже на слезу после чтения сценария пробило.

— Ну что, прочитали? — спросила студентка, видя, как к ней идет неопытный пожилой претендент. — Отойдем в сторонку, я вас послушаю.

И тут началось. Петрович как с цепи сорвался: стал ругаться со студенткой, избывая мужа Татьяны, да так естественно, что девушка попятилась в сторону, на миг испугавшись агрессии. Вытянувшиеся и внимательные лица экзаменаторов свидетельствовали о явном успехе киномана. И вот 20 декабря 2002 года в 12 часов ночи в дверь квартиры охранника Бабина постучал счастливый хозяин.

— Приняли! — крикнул он жене, открывшей дверь, и пулей влетел в квартиру.

Не поев и не сказав Клавдии больше ни слова, разделся и завалился спать. Сон великого актера, как и день, тоже был на высоте. Во сне он продолжал играть: ругался, смеялся и вообще шпарил без запинки текст, который, кстати, прочитал до этого один раз. Его партнерша, настоящая актриса театра и кино, постоянно сбивалась и

смотрела в текст, который был записан у нее в маленьком блокнотике, умещавшимся на ладони. Народ в зале возмущался и кричал на актрису, но она нечего не могла поделать — плохая память. Бабин сочувственно кивал головой и разводил руками, но про себя тоже возмущался вместе с народом: наберут, понимаете ли, бездарностей...

3. Телепередача

Съемка была назначена на 24 декабря. Снимали на Мосфильмовской. Перед съемкой должна была состояться генеральная репетиция. Дома все три дня у Бабных был ад. Как вы сами догадываетесь, возмутителем спокойствия был актер-любитель Николай. Домочадцы часами ждали, когда освободится туалет, из-за двери которого доносились крики:

— Я не люблю тебя больше, Татьяна!

После этого шла длинная пауза, сопровождавшаяся шуршанием бумаги. И, наконец, звериный вой Бабина:

— Ну что ты делаешь со мной, любимая?!

Тяжелее всего эти дни перенесла Клавдия Сергеевна. Женская ревность сверлила и жгла, сосредоточенность мужа на роли делала ее для Николая невидимой и ненужной, а это то еще испытание для женщины.

И вот открывается дверь 65 аудитории, где проходят репетиции сюжетов для передачи «Форточка». Слышен шум репетирующих людей, уже так знакомый киноману. Вот и Вадик вытирает пот со лба, ходит из стороны в сторону; девчонка, изображавшая рыдания на кастинге, — все они снимаются. Вдруг Николай замечает маленького человека в ковбойской шляпе. Рядом с ним сидит мужчина лет тридцати, они увлечены беседой. Петрович инстинктивно подходит к ним и спрашивает, обращаясь к маленькому человеку:

— Извините, что прерываю вашу беседу. Вы пришли на съемки сюжета «Письмо Татьяны»?

— Да, — ничуть не удивившись, говорит карлик. — Это режиссер программы Борис Евгеньевич, — представил он мужчину, только что беседовавшего с ним. — А вы, очевидно, Виктор, муж Татьяны, — улыбается тридцатилетний мужчина, тряся руку киномана, и продолжает: — Ну что, батенька, будем играть трагикомедию?

Петрович смущенно, но бодро говорит:

— Будем.

— Сейчас подойдет наша дама, — не унимается Борис Евгеньевич, — и начнем репетировать, — при этом щурится и потирает руки.

Татьяной оказалась женщина плотного телосложения. В жизни актрису звали Вика. Была она, как и киноман, не профессионалкой, но как только начала говорить текст, киномана взяла робость: Татьяна так правдоподобно и без запинки рассказывала свою историю, что Петрович засомневался в своих артистических способностях, в которые за последнее время уверовал по-настоящему. Наступил момент, когда надо было вступать ему.

— Татьяна... — промычал он неуверенно и затих.

Пауза была тяжелой: Петрович забыл текст.

— Бывает, — бодро залепетал Евгеньевич. — Встаньте, как там вас, Николай, — прошипел киноман. — Да, бывают такие запинки, даже у великих! — добавил он, многозначительно подняв указательный палец вверх. — Давайте, дорогой мой дружок, расслабимся и попрыгаем на месте.

Глаза у Петровича округлились.

— Не удивляйтесь, друг мой, это упражнение по снятию стресса. Вы просто попали в непривычную для вас обстановку, вот вас и заклинило.

Киноман неуверенно, на глазах у всех стал подпрыгивать на месте. Было страшно

неловко. Вся аудитория затихла и смотрела на него, не понимая, что происходит. «Наверно, роль такая», — подумали многие, и репетиции возобновились.

— А теперь, дружок, спойте, — произнес режиссер программы.

Киноман остановился как вкопанный.

— Что?! — произнес запыхавшийся охранник.

— Нет, вы продолжайте прыгать, — проищал режиссер.

— А что петь? — заикаясь, промычал охранник-контролер.

— Ну, скажем, «В лесу родилась елочка», — завершил он твердо.

И так, прыгая, наш герой запел дрожащим голосом про елочку. Все это упражнение по снятию стресса продолжалось минут пять, но Петровичу показалось, что это длилось вечно. После этого Петрович запел соловьем. Репетиция продолжилась.

— Ну наконец-то, — сказал режиссер, потирая ладони. — Вот что значат упражнения. Все хорошо, отрепетировали на пять. Готовимся выйти на сцену. Сергей, — махнул он рукой своему помощнику, — проводи актеров в костюмерную и на грим, да и объясни им, что и как.

И тут же к Николаю и Павлику — так звали малыша — подошел длинный долго-вязый прыщавый парень лет восемнадцати.

— Сергей, — представился он всей компании. — Вы, Виктория, сказал он даме, стоявшей поодаль, — выходите в зал первой. — Вы, — обратился он к Петровичу, — выходите после слов Герева: «Встречайте: Дед Мороз!» Ну а вы, — опустил он взгляд на Павлика, — выходите вместе с Николаем в мешке. Сейчас же, мои дорогие, на костюм и на грим. Когда будете готовы, подождите меня, я вас провожу и объясню, что делаем дальше.

Костюм у киномана был шикарный: из атласной ткани благородного синего оттенка со вставками из белого меха. В комплект входили шуба, шапка, рукавицы, мешок, пояс, борода. Петрович вспомнил детство: в садике Дедом Морозом всегда была Екатерина Ивановна, воспитательница. В детстве же маленький Коля долго любовался шубой деда, она была ярко-красная со снежинками. Борода внушала уважение и страх. Пахло от Деда Мороза всегда женскими духами. Петрович теперь понимал, почему.

Костюмеры быстро помогли охраннику. И вот в костюмерной как по волшебству появился Дед Мороз. Все хвалили мужчину.

— Вот это настоящий Мороз, статный, не грех такого по ящику показать, — щелкала громче всех Егоровна, самая пожилая дама среди костюмеров.

Грим наложили тоже очень быстро.

И вот они с Павликом стоят у двери гримерной, молча волнуясь.

— Ну что, пойдёмте, — крикнул на ходу бегущий Сергей.

За ним бежали Борис Евгеньевич и еще какой-то мужчина с черными коробочками, из которых торчали провода. И когда они поравнялись с Петровичем и маленьким человеком, Сергей, запыхавшись, сказал:

— Съёмки уже начались, теперь очередь за вами.

Неказистый мужчина подошел сначала к Павлику, окинув его взглядом, быстро засунул ему коробочку с антенной за спину, а провода с микрофоном, протащив под рубашкой, закрепил на воротнике. То же он сделал и с Петровичем. И все быстро устремились за ним, кроме неказистого мужичка. Он, сделав свое дело, отправился назад. И вот, не дойдя метров пятьдесят до выхода на сцену, группа из четырех мужчин, один из которых был похож на толстого мексиканского мальчика, а еще один вообще был Дед Мороз, остановилась. Сергей, показав Петровичу на мешок, потом — на Павлика, сказал чуть слышно:

— Сажаешь его в мешок и несешь в зал. Ну а там — по сценарию.

Борис Евгеньевич, серьезно посмотрев на актеров, шепнул:

— Не подведите.

И руководство мгновенно исчезло. Киноман посмотрел на малыша, а тот, в свою очередь, снизу вверх на огромного Деда Мороза. Во взгляде маленького мужчины читалось очень искреннее детское доверие. Павлик как бы говорил Петровичу: «Ты же не уронишь меня, дядя Витя?» Петрович, будучи не очень сильным человеком, хоть и большим, отвел глаза в сторону. В зале плавно лилась речь Вики. «Скоро Гереев позовет», — будто током ударило Николая.

— Ну что, — решительно сказал Дед Мороз, доставая из широкого кармана плотно сложенный мешок из атласной ткани. Развернув его и держа за края, он присел, поднося его к Павлику:

— Прыгай сюда, подарочек, — ухмыльнулся Петрович.

Подарок сделал серьезное лицо и бесстрашно встал в мешок, опираясь на плечо партнера.

— Я вешу пятьдесят шесть кило, — произнес он как приговор.

В голове у Петровича сначала потемнело, потом стало суммироваться: пятьдесят метров до зала, там по крутым ступенькам вниз метра три и до дивана еще метров восемь. «Шестьдесят один метр», — присвистнул он. Холодный пот пробил киномана. Что же об этой гимнастике не сказал Борис Евгеньевич?

— Мать его за ногу! — выругался начинающий актер.

«Подстава, — пронеслось несколько раз в голове охранника. — Вот он, актерский тяжкий хлеб. Я же не осилю». Петрович с детства был маломощным, хотя и крупным. Мать постоянно оберегала Колечку, ставила ему банки, лечила антибиотиками, но к труду и физической культуре никогда не приучала любимого сына, считала это совершенно не нужным делом. «Мой сын, — говорила она, — будет актером». Вот, наверно, поэтому Петрович и мечтал об этой профессии.

— Я готов, — проговорил стоящий перед ним мешок.

Коленька собрался, схватившись за верхушку мешка, как за репку, и сразу отказался от этой затеи.

— Какой скользкий, — бурчал Петрович, пытаясь обнять атласный мешок и приподнять его, резко отрывая от пола.

От рукавичек пришлось отказаться сразу: в них скольжение увеличивалось. Хорошо еще Павлик молчал, не издавая ни звука. Вдруг речь Татьяны стихла, и звонкий голос Гареева таинственно произнес:

— Дед Мороз!!!

Петрович, схватившись за верхушку и одновременно за нижний уголок мешка, резко рванул вес на уровень живота, немного приподнимая его правым коленом, — так торгующие торговцы картошкой таскают мешки покупателям до машины. И, надув все жилы на лбу, сосредоточенно двинулся в зал. Под шапкой сочились струйки пота. Дыхание увеличивалось с каждым шагом, как у паровоза, набирающего скорость. Шаги, как невидимый метроном, отчитывали путь к избавлению от мук: шестьдесят пять, шестьдесят шесть. И вот Петрович видит перед собой зрительный зал. Светло и тихо, даже Гереев торжественно молчал, отдавая должное героическому появлению Деда Мороза в обнимку с мешком. Зрители гадали: почему Дед Мороз несет мешок не на плече, а как охапку дров? А Петрович в это время поглядел вниз, чтобы поставить ногу на спасительную ступеньку, и не увидел ее за телом Павлика. Проемы ступенек были очень широкими, ступеньки — крутыми. Киноман впал в ступор, ведь ему предстояло шагнуть в пропасть, в невидимую черную дыру, да не просто самому шагнуть, а с тяжелым телом Павлика, доверившего ему самое дорогое — свою жизнь. Со стороны вся эта картина напоминала какие-то соревнования Дедов Морозов.

Вот он замер с мешком в руках, готовясь к финальному прыжку в зал! Трибуны безмолвствовали. Молчал даже комментатор. И тут руки Петровича от невыносимого напряжения стали предательски слабеть, постепенно разжимая стальную хватку фио-

летовых пальцев, держащих ничего не подозревающего маленького человека. И, выскользнув из уже ничего не контролирующего захвата напуганного Петровича, мешок плавно покатился вниз. Удар о ступеньку был глухим, напоминающим шлепок мешка с картофелем, будто торговец не донес его до машины и уронил. Потом были вторая, третья, четвертая, пятая ступеньки. Мешок крутился, грохотал и, наконец, докатился до столика, за которым сидела Татьяна, уже без помощи Вити.

Николай Петрович мысленно представлял себя в наручниках, сзади его подталкивали к выходу два здоровых молодых милиционера. Холодное тело Павлика с болтающейся окровавленной головой на носилках уносили люди в белых халатах. Тишину прервал быстро нарастающий шепот зрительного зала:

— Убил жениха Дед Мороз!

— А что, там, в мешке, человек? — допытывалась полная пожилая дама во втором ряду у соседа, мальчика лет четырнадцати, привставшего со стула и пристально смотревшего на мешок.

— Там, бабуля, человек, — обернулся к ней с объяснениями мальчишка. — И по тому, как он выпал из рук Деда Мороза, ударившись о ступеньку, могу предположить, что он уже не дышит.

Время отсчитывало секунды, превращая их в минуты. Гереев тупо смотрел на неподвижный мешок. Операторы о чем-то тихо шептались. Зал гудел, как улей. И тут Петровича будто кто-то подтолкнул. Он понял, что надо действовать, пока не поздно. Лихо сбегав по уже хорошо и отчетливо видимым ступенькам, он устремился к мешку. Зал и съемочная группа затихли. Еще не успокоившись и тяжело дыша, но очень уверенно киноман подлетел к мешку, стоявшему возле большого сценического столика, обхватил его сделавшимися железными напряженными руками и рванул вверх. На этот раз мешок не выскальзывал из рук, но тихо возле уха Петровича раздался писк Павлика. Петрович обрадовался, про себя сказав: «Значит, живой подарочек!!!» Пройдя еще метра четыре, он аккуратно и торжественно усадил на диван в мешке живого, как он уже убедился, напарника. Как же стало хорошо старику, когда он увидел вылезавшего и довольного бодрого собрата по опасному актерскому мастерству!

Уезжая домой, Петрович мысленно сказал себе: «Чтобы я еще пошел сниматься...»

Эпилог

Сюжет доиграли до конца, никто не сбился. Когда артисты уходили со сцены, зал аплодисментами провожал героев, которые почему-то были грустны и сосредоточены. Программу сняли и показали по телевизору, вырезав неудачный выход Деда Мороза. И, конечно же, все Бабины, кроме Николая Петровича, смотрели телешоу. А он в этот день был на работе.

